

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ТАТЬЯНА
Давиденко

18+

Клубничный
ЩЕРБЕТ
для ТУРЕЦКОГО БОССА

Татьяна Донченко

Клубничный щербет для турецкого босса

<https://litres.ru/74300568>

SelfPub; 2026

Аннотация

Один постоялец. Один поцелуй. И вся жизнь летит кувырком. Аделине 25, она владеет старым полуразвалившимся отелем, делает лучшее мороженое в городе и отчаянно пытается не утонуть в долгах.

Сестра требует продать семейный отель, банк грозит конфискацией, а кот-террорист методично уничтожает остатки ее душевного равновесия.

И тут в отель заселяется он. Селим Йылмаз. Турок с глазами цвета горького шоколада, мозгами программиста и улыбкой, от которой хочется забыть про приличия.

Он снимает номер на месяц, платит вперед наличными и совершенно не скрывает, что Аделина ему интересна. Очень интересна.

Проблема в том, что Селим приехал не просто так. У него есть задание от босса. Секретный проект. И отель Аделины – его главная цель.

Содержание

1	4
2	7
3	13
4	18
5	26
6	32
7	38
8	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Клубничный щербет для турецкого босса

1

Кто, блин, долбит меня по голове?

Это первое, о чем я подумала, когда пришла в себя на полу кухни.

Второе – какого черта я лежу в позе «зю», а мое платье призывно задралось до самых бедер?

И, мать его, третье – почему рядом со мной лежит мужчина?!

Я попыталась сесть – перед глазами поплыло. Огляделась вокруг, картинка то размывалась, то делала фокус на...

А что тут, собственно, произошло?

Кухня выглядела как место преступления. С плиты стекало клубничное варенье – густое, алое, как кровь в каком-нибудь дурацком детективе с мизерным бюджетом на спецэффекты.

Повсюду розовые отпечатки лап. Кошачьих лап.

Барсик сидел на холодильнике, вылизывал лапу и смотрел на меня с выражением глубочайшего презрения. Как будто это я его в варенье по уши окунула и ему пришлось потратить одну жизнь из девяти на то, чтобы помыться, а вторую

– чтобы переварить варенье, которое с себя слизал.

– Ты, – прохрипела я, показывая на него пальцем, – виноват.

Барсик замер, с высунутым языком наружу. В глубине глаз блеснуло что-то человеко-ненавистное. Даже знать не хочу что именно.

Повернулась в сторону более любознательного объекта. Потому что объект издал звук. Конкретный такой, приятный слуху звук – стон.

Я вздрогнула.

Он лежал на спине, рубашка расстегнута, темные волосы растрепаны. На белой майке – дорожка из розовых лап, будто мой питомец просто шел куда-то по своим кошачьим делам, а объект внезапно материализовался на пути. И, чтобы не тратить свое драгоценное время на обход, он тупо прошелся прямо по мужской груди. Довольно широкой мужской груди, надо сказать.

Я ткнула мужчину в плечо:

– Эй! Вы там живы?

Он открыл глаза. Темные, почти черные. Красивые. Совершенно неуместно красивые для человека, который только что валялся без сознания на полу моей кухни в клубничном варенье.

Мужчина сказал что-то и мне пришлось напрячь слух и переспросить раз пять, прежде, чем я поняла, что он говорил не по-русски, а по... по-турецки.

Спасибо Серкану Болату и еще парочке сериалов, просмотренных во время подготовки, я узнала этот язык. Узнала – в смысле знаю, что это турецкий, а не то, чтобы я его знала.

Мужчина заговорил быстро, сбивчиво, показывая руками на плиту, на Барсика, на меня.

– Я не понимаю, – я схватилась за голову, когда в моем сознании, как в компьютере, возникла надпись «Ошибка!» с характерным звуком. – Что вообще произошло? Почему мы на полу?

Он снова заговорил по-турецки, потом переключился на ломаный английский:

– *Кот...* – он показал на Барсика, – *...Плохой кот. Вы упали. Я поймал. Мы... бум.*

Я затроила на пару секунд.

Ах да. Точно! Барсик свалился в кастрюлю с вареньем, я попыталась его поймать, постоялец из пятого номера вошел в самый неподходящий момент, мы столкнулись, поскользнулись на варенье и...

И вырубилась.

Ну, блеск!

Пару часов назад

Варить клубничное варенье в три часа дня – не самая моя лучшая идея. Но я не могла остановиться.

Когда жизнь разваливается на части, хоть варенье получается идеальным. Густое, ароматное, с целыми ягодами – не то что моя жизнь, где все превратилось в бесформенную кашу.

Кастрюля булькала на плите. Я помешивала деревянной ложкой, наблюдая, как сироп тянется тонкой нитью. Еще пять минут – и можно разливать по банкам.

Барсик сидел на верхнем шкафу и следил за мной горящими глазами. Хвост подергивался. Уши прижались к голове.

– Это не тебе, – предупредила я, не оборачиваясь.

Барсик мяукнул в своем кошачьем протесте.

– И вообще, – я повернулась к нему, – я серьезно. Слезай оттуда. Немедленно.

Он прищурился. Собрался. Я знала этот взгляд – взгляд камикадзе перед последней атакой.

– Не смей!

Барсик прыгнул. Не вниз. На соседний шкаф. Я выдохнула с облегчением. Рано.

Его задние лапы соскользнули. Барсик взвыл, заскребся когтями по дверце шкафа, но удержаться не смог. Полетел

вниз – прямо в кастрюлю с вареньем.

Время как будто замедлилось.

Я видела, как его пушистое тело врезается в красную массу. Как варенье взрывается фонтаном – вверх, в стороны, на меня. Горячие капли обожгли руки, лицо. Кастрюля опрокинулась, варенье полилось на плиту, на пол, повсюду.

Барсик грохнулся на пол вместе с кастрюлей – весь розовый, липкий, в ягодах. Его глаза горели праведным гневом. Он издал боевой клич и понесся по кухне, оставляя кровавые следы на шкафах, столе, холодильнике.

– Барсик, зараза! – Я бросилась за ним.

Он метнулся под стол. Я легла на пол, потянулась за ним. Барсик шипел, как змея. Клубничная змея.

– Иди сюда, демон!

Кот рванул в сторону, я попыталась схватить его за хвост – он вырвался, запрыгнул на подоконник. Я встала на четвереньки, попыталась подняться...

И тут на пороге появился ОН.

Я замерла.

В дверном проеме стоял высокий, широкоплечий красавчик, в джинсах и белой рубашке с закатанными рукавами. Темные волосы, чуть смуглая кожа, скулы, по которым хочется провести пальцами. Губы... Господи, эти губы. Четко очерченные, чуть припухшие. Щетина – три дня, не больше. Руки – жилистые, с венами, пальцы длинные. Часы на запястье – дорогие, но не кричащие.

А глаза!

Темные, почти черные с поволокой. Смотрят прямо на меня – на меня, стоящую на четвереньках, всю в варенье, с растрепанными волосами и злую.

И не то, чтобы мое платье было приличным... Он увидел меня в очень невыгодном ракурсе. Или выгодном? Это еще как посмотреть.

Упс!

Он сказал что-то по-турецки. Голос низкий, бархатный. Я не поняла ни слова, но от звука его голоса что-то сжалось внизу живота.

Я попыталась встать. Платье прилипло к бедрам. Я дернула подол вниз, но только размазала варенье еще больше. Отлично! Просто замечательно!

– Добрый день, – выдавила я. – Я... это... извините за беспорядок.

Он моргнул. Не понял, конечно. Я показала на Барсика:

– *Кот. Очень плохой кот,* – сказала уже по-английски.

Кот в этот момент спрыгнул с подоконника на стол, внаглую. Он так никогда не делал, а тут при госте решил показаться себя так же не совсем с выгодной стороны.

Турок кивнул.

Он осмотрелся. Кухня выглядела как место массового убийства. Он достал из кармана ключ, показал цифру на брелоке:

– *Комната... пять.*

Новый постоялец. Как будто ему нужно было уточнять, откуда он и кто. Он единственный за долгое время гость в нашем несчастном отеле. Тот самый, что заселился вчера и заплатил за месяц вперед – наличными, огромной суммой. Единственные живые деньги, которые я видела за последние полгода.

И вот он стоит передо мной. А я... а я, блин, прекрасна!

Если бы земля могла поглотить меня, я бы сейчас молилась об этом.

Он показал на холодильник, потом изобразил руками, будто ест:

– Ice cream?

Мороженое. Он хочет мороженое.

– Да! – Я чуть не подпрыгнула от облегчения. – Конечно! Сейчас!

Я рванула к морозилке. Барсик метнулся мне под ноги. Я споткнулась, взмахнула руками – и с грацией картошки полетела по закону гравитации на пол.

Мужчина бросился вперед. Подхватил меня за талию. Я схватилась за его плечи.

Боже!

Он был твердым. Вот прям весь. Грудь под рубашкой – одни мышцы. Плечи – широкие, сильные. Руки на моей талии – горячие даже через ткань платья.

А как он вкусно пах! Что-то терпкое, древесное, с ноткой цитрусов. Ну, мужчина хоть куда! Я даже забыла, что падала.

Наши лица оказались в сантиметрах друг от друга. Я видела золотистые искорки в его темных глазах. Ресницы – длинные, густые. Родинка на скуле. Шрам над бровью – тонкий, едва заметный.

Его взгляд скользнул вниз – на мои губы.

У меня перехватило дыхание.

Вот бы он меня сейчас поцеловал!

Я хотела, чтобы он поцеловал меня.

Нет, я хотела большего. Я хотела, чтобы он прижал меня к холодильнику, задрал платье, скользнул рукой между бедер. Чтобы говорил что-то по-турецки прямо мне в ухо, пока его пальцы...

Стоп! Что за фантазии такие, а?

Я громко сглотнула. Смотрела на его губы и представляла, каковы они на вкус. Представляла, как он укусил бы мою нижнюю губу. Как его язык скользнул бы в мой рот – медленно, требовательно. Как его руки сжали бы мои бедра, приподняли, прижали к стене...

Да, ёшкин кот!

Я попыталась выпрямиться, создать хоть какую-то видимость приличия, отскочила от него, бормоча извинения, но поскользнулась на луже варенья. Браво мне!

Попыталась удержать равновесие. Шагнула назад. Замахала руками, что-то невнятно воскликнула и...

Мы рухнули вместе.

Впечатленная и заторможенная от красоты этой турецкой,

неписанной, я видела все как будто в слоу мо: как его глаза расширяются, как его рука пытается ухватиться за край стола, но промахивается.

И как мы падаем – медленно, неотвратно.

Бум.

Моя голова стукнулась о ножку стола. Были бы мозги – было бы сотрясение, как говорил папа.

Перед глазами вспыхнули искры.

Последнее, что я услышала – турецкое ругательство. Низкое, хриплое и чертовски сексуальное, что бы оно не значило!

А потом темнота.

И знаете, о чем я думала перед тем, как вырубиться?

Правильно! Как жаль, что он не успел меня поцеловать.

Турок сел, потер затылок и поморщился. На его рубашке – пятна варенья. На моем платье – тоже. Вообще повсюду варенье. Вся моя жизнь – одно сплошное варенье.

Алиса, моя старшая сестра, меня убьет.

Нет, серьезно. Убьет. Единственный постоялец за месяц, который заплатил вперед – живыми деньгами, не переводом, не обещаниями – и вот он лежит на полу нашей кухни.

Не дай бог, сотрясение мозга. Если он подаст в суд? Если напишет гневный отзыв в интернете? «Отель 'Аврора' – место, где вас прикончат котом и вареньем»?

Я попыталась встать, но тут же закружилась голова.

Турок протянул руку – помог подняться. А я, вместо того, чтобы встать по-человечески, уставилась на его руку на моей.

Вау, какие у него красивые пальцы!

Боже, о чем я думаю? Ну точно последняя извилинка при падении выпрямилась.

Мужчина что-то сказал, показал на мой лоб. Я дотронулась – болит. Замечательно! Будет синяк!

Теперь я не только измазана в варенье и вся в кошачьих следах, но еще и шишкой на лбу. Ммм, красавица!

– Спасибо, – пробормотала я по-русски, потом переключилась на английский. – *Я в порядке. Спасибо.*

Он посмотрел на меня так, будто не поверил ни на секунду.

А я сделала вид, что очень занята осмотром и оценкой последствий котострофы.

Кухня выглядела как эпицентр ядерного взрыва. Нет, хуже. Как место, где прошла вечеринка демонов.

С плиты стекало клубничное варенье – густое, алое. Лужа растеклась по полу, добралась до холодильника. Но это было только начало.

Барсик. Этот пушистый террорист не просто упал в кастрюлю. Он искупался в варенье, а потом устроил марафон по всей кухне.

Розовые отпечатки лап – повсюду. На шкафах – аккуратные следы, будто кто-то рисовал граффити. На столе – целая дорожка, ведущая к хлебнице. Даже на потолке виднелись розовые брызги.

Мои любимые кружевные занавески, которые я стирала вручную, висели, вымазанные в брызгах варенья.

Я огляделась дальше, и отчаянно пискнула.

Вся партия мороженого, которую я собиралась продать завтра – тридцать порций, три вкуса, шесть часов работы – стояла на столе в контейнерах. Барсик прошелся по столу своими липкими лапами. Теперь каждый контейнер украшен розовыми следами.

Так, нужно сосредоточиться на главном – на уборке.

Отвернувшись, начала собирать беспорядок из посуды и ва-

ренья. Руки дрожали.

А еще рядом наш постоялец сбивал с толку бестолковую. И не просто постоялец.

С этими скулами, гад. И губами. О, какие у него губы! И руками с венами...

Так, стоп!

Я встряхнулась. О чем я вообще думаю? Мне двадцать пять, я последний раз на свидании была... полгода назад, и то неудачно, потому что парень сказал, что я «целуюсь как робот».

Ха! Ну, какой я робот? Ни один бы робот такое не вывез: мой кот – террорист, мой отель разваливается, моя сестра меня ненавидит, а я фантазирую о постояльце, который даже по-русски не говорит.

Жалкая. Я просто жалкая.

Турок присел рядом, начал помогать убирать. Молча.

В один момент, наши пальцы едва не соприкоснулись – я отдернула руку, как от огня.

Он вопросительно посмотрел на меня.

– Все хорошо, – соврала я. – Просто... испугалась.

Он кивнул. Не понял, конечно, я ж опять по-русски ему талдычу. Но кивнул.

Барсик спрыгнул с холодильника, подошел к турку, потерся о его ногу.

Нормально, вообще? Предатель. Обычно Барсик шипит на чужих. А тут мурлычет, как будто нашел лучшего друга.

Турок погладил кота, сказал что-то по-турецки. Барсик закрыл глаза от удовольствия.

– Ты серьезно? – я уставилась на кота, потом на мужчину. – Он сначала чуть не убил нас обоих, а теперь ты его гладишь?

Турок улыбнулся.

Первый раз за весь этот кошмар. И улыбка у него была... Черт! Увлажняющая – еще мягко сказано. Что именно она делала влажным уточнять, я думаю, не надо?

О, Аделина, не смей смотреть на его губы! Не смей. Даже не...

Все, уже смотрю.

Я резко встала, швырнула салфетки перепачканные в варенье в мусорное ведро:

– Ладно, уборка тут до утра... – проворчала, оглядывая масштабы кОтОстрофы. И повернулась к нашему единственному гостю: – Вы же пришли сюда за мороженым? Ой, по-английски! *Вам нужно мороженое, да?*

Он кивнул.

Я открыла морозилку, достала контейнер с клубничным щербетом. Мои руки все еще дрожали. Я зачерпнула порцию, положила в креманку, протянула ему.

Он взял, попробовал. Закрыл глаза. Сказал что-то по-турецки – длинное, прочувствованное.

– Не понимаю, – напомнила я.

Он открыл глаза, показал на мороженое, потом на меня,

потом приложил руку к сердцу.

Тут и слов не нужно: нравится.

Я улыбнулась – первый раз за день:

– Спасибо.

Он улыбнулся в ответ.

Мы стояли посреди разгромленной кухни, оба в варенье, оба с шишками на головах, и улыбались друг другу как идиоты.

Барсик мяукнул.

Турок указал на кота, а затем изобразил из пальцев над головой маленькие рожки. И помахал кулаком коту.

Я рассмеялась. Нервное, наверное.

Ну и абсурд! Вся ситуация. Весь день. Вся моя жизнь.

Он тоже рассмеялся.

И я подумала – нет, даже не подумала, а почувствовала, всем нутром – что с этим человеком что-то будет. Что-то важное. Что-то, что перевернет мою жизнь.

Ну и пусть переворачивает! Потому что от той жизни, которую я живу сейчас, в том виде, каком она есть, у меня начало знатно подгорать.

Я заперла дверь ванной и прислонилась к ней спиной. Сердце колотилось так, будто я бахнула энергетиков несколько банок. Хотя все, что я сделала – это упала на пол вместе с незнакомым мужчиной.

Ну, ладно. С очень красивым незнакомым мужчиной. Который сейчас сидит на моей кухне, ест мороженное. Один. С моим котом-террористом.

Я посмотрела на себя в зеркало и застонала. Волосы слиплись, на щеке – засохшее варенье, платье выглядит так, будто я участвовала в съемках фильма ужасов. На лбу наливаются синяк.

Отлично. Просто замечательно.

Я стянула платье, швырнула его в корзину для белья. Включила душ. Горячая вода обожгла плечи – я застонала и закрыла глаза. И тут же увидела его.

Темные глаза, губы в сантиметре от моих, руки на моей талии, и его запах. Я провела рукой по животу. Ниже.

Стоп! Это что еще такое? Что я творю?

Но рука не слушалась. Я представила, как он зашел бы за мной в душ, прижал бы к мокрой плитке. Его руки скользили бы по моей коже – медленно, изучающе, раздвинули бы бедра. Он бы опустился на колени, положил мою ногу себе на плечо...

Я резко открыла глаза, перекрыла горячую воду, включила холодную.

Хватит! Это уже ни в какие ворота!

Я быстро вымылась, вышла из душа, вытерлась. Намазалась кремом – по привычке, хотя какая разница? Мне сейчас всю кухню выдраивать, на кой ляд мне кремами благоухать?

Но логика и здравый смысл вышли из чата.

Надела джинсы, футболку. Распустила волосы – мокрые пряди упали на плечи. Посмотрела на себя в зеркало. Без косметики, без укладки. Блин... Я обычная и скучная. Всегда ею была.

Нет, стоп. А если помадой накрасить губы?

Я выкопала из ящика старую помаду – бордовую, яркую. Накрасила губы. Вроде бы, лучше.

А потом поймала себя на мысли: а это не слишком меня выдает? Что я вроде как, ради него стараюсь...

Черт возьми, один мужик, а столько вопросов!

Решила, что он – турок, может не в курсе, может мы все, русские девушки, с помадой кухню выдраиваем. Менталитет, может, у нас такой. С прибабахом.

Я приоткрыла дверь на кухне – совсем чуть-чуть, на щелочку. Из кухни доносились звуки. Я заглянула, как преступница какая-то.

Селим сидел за столом. Барсик устроился у него на коленях – свернулся клубочком, мурлыкал. Предатель! Обычно Барсик избегает всех чужих, прижимается пузом к полу и

ныкается под диван на полусогнутых. А тут, вы поглядите, ведет себя как котенок.

Селим гладил его одной рукой. Второй держал телефон, что-то читал на экране. Рубашка все еще расстегнута на две пуговицы – я видела ключицы, смуглую кожу, несколько темных волосков на груди.

Я сглотнула.

Он поднял голову, посмотрел в сторону холодильника. Профиль красивый: четкая линия челюсти, прямой нос, а губы... для поцелуев, не иначе!

Я представила, как подошла бы к нему сзади. Положила руки ему на плечи, наклонилась, коснулась губами его шеи. Он бы развернулся, притянул меня на колени, рядом с Барсиком. Его рука скользнула бы под мою футболку...

Барсик внезапно мяукнул. Сбил меня, бестолковую, с мысли.

Селим что-то сказал ему по-турецки – тихо, ласково. Голос мягкий, баюкающий.

У меня екнуло сердце.

Он встал, осторожно опустив Барсика на пол. Подошел к холодильнику, открыл. Достал контейнер с мороженым – тот самый, клубничный щербет, который я оставила на полке. Нашел ложку в сушилке. Зачерпнул прямо из контейнера.

Попробовал, закрыл глаза. Он выглядел... счастливым.

Что-то сжалось в груди. Купил меня с потрохами этим финальным выстрелом в голову. И в сердце. Голова уже давно

не работает. (Помните же про сотрясение. Его ведь не случилось. Хе!)

Когда в последний раз кто-то ел мое мороженое с таким видом?

Селим открыл глаза, посмотрел на контейнер. Покачал головой, словно не веря. Зачерпнул еще.

Я улыбнулась.

А потом услышала звук входной двери.

Алиса пришла.

Черт!

Я отскочила от двери как ошпаренная. Алиса материализовалась на пороге и замерла, уставившись на Селима.

Он тоже замер – с ложкой в руке, с открытым контейнером мороженого. Варенье на полу уже подсохло, но следы кошачьих лап все еще украшали шкафы.

– Кто это? – Алиса повернулась ко мне.

– Постоялец, – выдавила я. – Из Турции. Пятый номер.

– А он почему на нашей кухне?

– Хотел мороженого.

– У нас кафе на первом этаже! Зачем ему лезть на нашу кухню?!

Селим положил ложку и контейнер и сказал что-то по-турецки.

– Он вообще по-русски говорит? – Алиса скрестила руки на груди.

– Нет.

– Отлично. Просто замечательно. – Она подошла ближе, оглядела кухню. – Что здесь вообще произошло? Тут как будто бомба взорвалась. И, походу, клубничная.

– Барсик свалился в варенье.

– Конечно. Кто бы сомневался. – Алиса посмотрела на Селима. Потом на меня. Прищурилась. – У тебя, что, губы накрашены?

Я покраснела:

– И что?

– Просто... ты в последний раз красила губы, когда пошла на свидание

– Может, я решила начать красится каждый день.

– Ага. Конечно. – Алиса снова посмотрела на Селима. Он стоял, прислонившись к холодильнику, и наблюдал за нами с легкой улыбкой. – Он симпатичный. Держу пари, ему нравятся накрашенные...

– Алиса...

– Очень симпатичный! Пусть будет на нашей кухне. Я не против, если он вломится даже в мою комнату...

– Боже, прекрати!

Селим поднял руки, будто желая сказать: "я не понимаю, что происходит, но, кажется, вы говорите обо мне". Алиса расхохоталась.

Я хотела провалиться сквозь землю.

Алиса подошла к Селиму, протянула руку:

– Я – Алиса.

Он пожал ее руку:

– Селим.

– *Приятно познакомиться, Селим,* – Алиса повернулась ко мне, перешла на русский: – О, боже, у меня непреодолимое желание посмотреть парочку турецких сериалов...

Я была чертовски рада, что наш гость не понимает ни слова. Испанский стыд за поведение русской сестры перед турком. Международный конфуз заказывали? Он подъехал.

– Надолго он у нас?

– На месяц.

Алиса присвистнула:

– Месяц? Серьезно?! Если он уже его оплатил, то он может есть на нашей кухне не только мороженое из контейнера!

– Да, заплатил вперед. И я не против, я еще никогда не видела, чтобы кто-то ел мое мороженное... вот так.

Сестра снова посмотрела на Селима. Оценивающе. Он выдержал взгляд, улыбнулся. Алиса хмыкнула:

– Ладно. Пусть ест мороженое где хочет. Лишь бы платил. Сейчас переоденусь, помогу убрать на кухне.

Она развернулась и пошла к двери. На пороге остановилась:

– Аделина.

– Что?

– Помада тебе идет. Носи чаще.

И исчезла в коридоре.

Я осталась стоять посреди кухни. Красная как рак. Селим

смотрел на меня, все еще улыбаясь.

Барсик сел на пол четком между нами и принялся вылизывать зад. Прекрасно, приятель, самое время!

– *Твоя сестра?* – Селим показал на дверь, потом на меня.
– *Вы похожи.*

Я кивнула:

– *Старшая. Она...*

– *Строгая?*

– *Да...*

Он подошел ближе. Слишком близко. Я замерла. А он протянул руку, коснулся моего лба – легко, осторожно. Там, где наливался синяк.

– *Больно?* – спросил он.

– *Нет,* – соврала я.

Он не поверил. Наклонился, рассматривая синяк. Его лицо в нескольких сантиметрах от моего. Я чувствовала его дыхание.

Если бы я привстала на цыпочки... Всего пара сантиметров...

Селим отстранился. Улыбнулся. Сказал что-то по-турецки – тихо, почти нежно, а потом сказал:

– *Прости, что так бесцеремонно ел твое мороженое. Вкусно. Запиши это на счет моего номера.*

– *Это... ничего...*

Ничего, что? Ничего, что его ел или ничего не стоит? Или ничего не соображаю в его присутствии?

Селим еще раз улыбнулся и вышел из кухни.

Я осталась стоять, только взялась за край стола. Сердце колотилось. Тахикардия, не иначе. Ноги не держали.

Барсик посмотрел на меня и мяукнул. Осуждающе.

– Ой, заткнись, – сказала я ему. – Просто заткнись, Амур клубничный!

Алиса ворвалась в мою комнату без стука. Я лежала на кровати, уткнувшись лицом в подушку, и пыталась забыть, как Селим коснулся моего лба. Каким его пальцы были теплыми и как его дыхание обожгло кожу.

– Ну что, – Алиса плюхнулась рядом, – рассказывай.

– Что рассказывать? – я не подняла головы.

– Про турка.

– Его зовут Селим.

– Ага. Селим. – Алиса ткнула меня в бок. – Который ест твое мороженое прямо из контейнера. Как будто живет здесь сто лет.

– Он постоялец. Имеет право.

– Постояльцы не лазают на кухню. Постояльцы заказывают в кафе.

Я промолчала.

Алиса легла рядом на спину, уставилась в потолок:

– Он красивый.

– Не знаю...

– Врешь. Ты на него смотрела так, будто хотела съесть как он уплетал твое мороженое.

Я подняла голову, посмотрела на нее:

– Я не...

– Ну, колись, хочешь его съесть? – пристала Алиса. – Мед-

ленно. С наслаждением.

Я швырнула в нее подушку. Она поймала, расхохоталась:

– Ну вот! Значит, заметила!

– Алиса, прекрати.

– Когда ты в последний раз с кем-то встречалась?

Я отвернулась:

– При чем тут это?

– Два года назад. С тем бухгалтером. Как его звали? Олег?

– Игорь.

– Да какая разница. Он был скучный. Ты с ним даже не переспала.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что после свиданий ты возвращалась домой в десять вечера и пила чай. Если бы переспала, вернулась бы утром.

Я закрыла лицо руками:

– Господи, Алиса...

– Я права?

– Права.

– Вот именно. – Она села, обняла меня за плечи. – Аделина, тебе двадцать пять. Ты красивая. Умеешь готовить как бог. Заслуживаешь нормального мужика.

– Селим не...

– Селим смотрел на тебя так, что я чуть не попросила вас уйти в номер.

Я замерла:

– Правда?

– Серьезно. Я видела.

Сердце ухнуло в пятки. Хотелось бы верить. Очень!

– Ты преувеличиваешь.

– Нет. – Алиса встала, подошла к двери. Обернулась: – И знаешь что? Сходи к нему. Узнай, все ли в порядке. Вдруг голова болит после падения.

– Алиса...

– Иди. Или пойду я. И скажу, что у тебя болит все тело и нуждается в его лечении.

– О, Боже! Ты этого не сделаешь!

– А ты проверь.

Она вышла, прикрыв дверь.

Я осталась сидеть на кровати. Сердце колотилось. Руки дрожали. Сходить к нему? Зачем?

Узнать, все ли в порядке. Это же нормально. Я владелец отеля. Он постоялец. Он ударился головой. Я должна проверить.

Да. Должна.

Я встала, поправила футболку, взглянула в зеркало. Стерла помаду – слишком вызывающе. Нет, стоп, надо вернуть, а то уж точно подумает, что в тот раз я специально ради него накрасилась. Нанесла снова. Легкий слой.

Черт.

Я вышла из комнаты. Поднялась на второй этаж. Остановилась перед дверью номера пять.

Постучала.

Тишина.

Еще раз постучала.

За дверью послышались шаги, замок щелкнул и дверь открылась.

Селим стоял на пороге. Рубашка расстегнута полностью, джинсы сидят низко на бедрах. Волосы влажные, капли воды стекают по шее, скользят вниз, к ключицам, к груди...

Я забыла, зачем пришла.

– Хэллоу, – выдавила я.

Он улыбнулся:

– Ні.

Мы стояли молча. Смотрели друг на друга.

Скажи что-нибудь. Что угодно.

Я показала на свой лоб, потом на его:

– *Голова... окей?*

Он кивнул:

– *Да. Окей.*

Еще одна пауза.

Селим отступил в сторону, показал рукой внутрь номера:

– *Хочешь войти?*

Я затроила. Слово “come” можно перевести, не только как “войти”, но и как “кончить”? О, я бы хотела и того и другого...

Я шагнула внутрь. Он закрыл дверь за мной. Номер был чистым. Кровать заправлена. На столе – ноутбук, несколь-

ко проводов, зарядные устройства. Окно открыто, занавески колышутся от ветра.

Селим прошел к столу, что-то напечатал на ноутбуке. Развернул экран ко мне. Переводчик:

"Спасибо за мороженое. Очень вкусно. Напоминает дом."

Я улыбнулась:

– Правда?

Он кивнул. Напечатал еще:

"Ты хорошо готовишь. Лучшее мороженое, что я ел."

Ай, умаслил так умаслил! Нет ничего приятней, чем комплимент твоему детищу.

– Спасибо.

Селим посмотрел на меня, долго, серьезно, а потом сказал что-то по-турецки. Я смущенно улыбнулась, а он будто вспомнил, что я не понимаю его, перевел на английский:

– Ты такая красивая.

Я перестала дышать. Что-то мне подсказывало, что по-турецки он сказал кое-что другое. Английская версия была скромнее.

Он не отводил взгляда. Ждал реакции.

Я не знала, что сказать, не знала, что делать. Хотела шагнуть вперед к нему и одновременно с этим – хотела убежать.

Селим сделал шаг. Еще один. Остановился в паре сантиметров.

Я запрокинула голову – он выше меня. Намного. Я видела золотистые искорки в его глазах. Увидела, как дрогнули его

губы.

Он поднял руку. Медленно. Дал мне время отстраниться. Я не отстранилась. И тогда его пальцы коснулись моей щеки. Провели вниз, к подбородку. Большой палец скользнул по нижней губе.

У меня подкосились ноги. Селим что-то сказал по-турецки. Тихо. Хрипло. Я не понимала слов, но понимала интонацию. Это было что-то пошлое. О и как же я хотела знать что именно!

Он наклонился, ближе. Еще ближе.

Я закрыла глаза.

И тут его телефон взорвался звонком.

Селим выругался по-турецки и отошел от меня. Он схватил телефон, посмотрел на экран. Извиняющийся взгляд в мою сторону:

– *Прости. Работа.*

Он ответил, заговорил быстро, сбивчиво. Я не понимала ни слова. Селин развернулся к окну, продолжая разговор.

Я стояла посреди комнаты, пыталась успокоить сердце.

Что это было? Что я наделала? Чуть не поцеловалась с постояльцем?

Нет. Не чуть не. Хотела. Очень хотела.

Я развернулась и выскользнула из номера, пока не наделала глупостей. Мне нельзя делать глупости. Я и так слишком много их творю. Кот не даст соврать.

На следующий день я услышала шум у входа в отель. Выглянула из кафе – Селим стоял на пороге и выглядел растерянным.

Я вышла:

– *Что-то случилось?*

Он протянул мне чек. Я взглянула – сумма зачеркнута красным. Внизу надпись: "КАРТА НЕ ПРОШЛА".

– О, – я поняла. – *Карта... не работает.*

Он кивнул. Достал кошелек, показал пустоту внутри. Наличных нет.

Я махнула рукой:

– *Я помогу.*

Мы пошли в магазин напротив. Продавщица посмотрела на нас подозрительно:

– Он ваш?

– Постоялец, – объяснила я, бледнея и краснея. – У него карта не проходит.

– Иностранная, – фыркнула продавщица. – Наши терминалы такие не берут. Пусть в банкомате снимет.

– Он не знает, где банкомат.

– Не мои проблемы. Товар верните или платите.

Я взглянула на пакет – вода, виноград, яблоки и квас. Обычные продукты. Достала из кармана деньги:

– Сколько?

Продавщица назвала сумму. Я заплатила.

Селим взял пакет, посмотрев на меня удивленным взглядом:

– *Спасибо, я...* – он показал жест "верну деньги".

– *Это не проблема,* – улыбнулась я.

Мы вышли из магазина. Селим открыл пакет, показал мне содержимое:

– *Русский напиток?*

Я взглянула на квас и кивнула. Селим достал бутылку, открыл, понюхал и скривился.

Я рассмеялась:

– *Не нравится?*

Он покачал головой, но отпил, проглотил. Лицо приняло вежливо-нейтральное выражение.

– *Плохо?* – спросила я.

– *Нет, нет,* – он поспешно замотал головой. – *Нормально, но очень...* – пауза, – *...специфично.*

Я хихикнула. Он улыбнулся.

Мы шли обратно к отелю. Селим вдруг остановился, показал на соседнее здание – кафе.

– *Еда, обед?* – спросил он. – *Вместе? Только сначала я займусь картой. Не позволю красивой девушке платить.*

Вместе? Он зовет меня пообедать?

Я сначала хотела согласиться, но потом включила заднюю и поняла, что должна отказаться. У меня работа, кафе с мо-

роженным. И Барсик.

– *Хорошо*, – услышала я свой голос. – *Пойдем*.

Да что ж такое? У меня появилось альтер-эго? Которое появляется при виде этих глаз и мышц...

Всего пару минут Селиму потребовалось, чтобы собраться. Он буквально зашел в номер и вышел. В последнее время я часто занималась проблемами с банком и картами и точно знала, что это занимает гораздо больше времени, чем потребовалось ему. Хм...

– *Пойдем?* – улыбнулся он лучезарно и я заткнула внутренний голос куда подальше.

Мы зашли в кафе. Я знала его, часто проходила мимо, но никогда не посещала, потому что не могла себе этого позволить.

Селим огляделся с любопытством.

– *Хочу попробовать русские блюда, поможешь?*

Мы сели за стол, нам сразу принесли меню.

– *Если хочешь узнать русскую кухню – начни с борща*.

Он кивнул. Я заказала два борща, компот из сухофруктов. Пока ждали заказ как-то так вышло, что я рассказала много о себе: где училась, чем занималась, до того, как родители погибли и нам не достался семейный отель в управлении. Даже рассказала, как мы с сестрой поссорились на этой почве и до сих пор осадок еще живет в нас обоих.

Селим внимательно слушал, но в основном, мне кажется, он смотрел на меня.

– Прости, мой английский ужасен, ты наверняка не понял ничего, – покраснела я, когда заметила, что он разглядывает меня уж слишком плотоядно. Чувак, дождись борща, не пожирай меня этим взглядом!

А вот, собственно, и сам борщ. Ароматный, наваристый. Но мой бы вышел вкуснее, я точно знаю, я готовлю его по специальному бабушкиному рецепту.

И все же, иногда приятно поесть еду, приготовленную не тобой. особенно было любопытно посмотреть на реакцию иностранца.

– Что ж, это телефон моего турецкого босса, на случай, если со мной что-то случится, – улыбаясь, он протянул мне визитку с турецким текстом и номерами телефонов.

– Все с тобой будет в порядке, пробуй, – засмеялась я.

Селим взял ложку, зачерпнул борщ. Попробовал. Глаза расширились.

– Звонить? – спросила я, в шутку хватая визитку.

– Вкусно! – он зачерпнул еще. И еще. – Это... – он показал на тарелку, – Еще раз, как называется?

– Борщ.

– Бошщ, – повторил он, коверкая произношение.

Я поправила:

– Борщ.

Он попытался снова:

– Борррш.

Я расхохоталась. Он тоже улыбнулся.

Мы ели молча. Изредка переглядывались. Он доел борщ первым, откинулся на спинку стула, погладил живот:

– Теперь мне нравится в России.

Я улыбнулась:

– *Из-за борща?*

Он посмотрел прямо на меня:

– *Из-за тебя.*

Сердце подскочило и заплясало кадриль, казачок и перепляс и все народные танцы, которые я знала.

– Ты очень красивая, – сказал он на ломанном русском.

Что на такое ответить, кроме банального “спасибо” я не знала. Покрылась пунцовыми пятнами и уставилась в пустую тарелку.

– *Если ты не против, я бы еще с тобой пообедал или поужинал,* – сказал Селим, протянув ко мне руку и взяв ее в свою. – *Настоящий ужин в красивом месте. Покажешь мне такое?*

Заметив мое колебание, он быстро добавил:

– *В качестве благодарности за сегодняшний инцидент с картой. Ты мне помогла. Я хочу отблагодарить.*

– *Разве этот обед – не благодарность?*

– *Хорошо, пусть будет так. Обед – благодарность. Ужин – свидание.*

– *Оу...*

Селим встал, подошел к кассе, чтобы расплатиться и у него это получилось. Больше проблем с картой не было. И

нет бы подумать об этом немного... Нет же!

Я пыталась понять, что происходит. И постоянно прокручивала слова “из-за тебя” и “свидание”.

Барсик бы точно осудил меня за эти мысли.

Но Барсика здесь нет.

И моих мозгов – тоже.

Утром, совсем рано, в дверь кафе постучали. Я открыла – Селим стоял на пороге с телефоном в руке и измученным выражением лица.

– Я... – он показал на дверь, потом на столовую, – *кофемашина. Не работает.*

– О, понимаю, секунду...

Черт! Эта рухлядь уже в который раз ломается. По-хорошему, ее бы выбросить, но на новую нет денег от слова совсем. И мы уже отдали за ремонты бюджет двух таких кофемашин.

Нажала на кнопку, шайтан-машина издала звук умирающего дроида из «Звездных войн» и замолчала.

– Ну же, – я постучала по корпусу. – Работай, железяка. Кофемашина молчала.

Я открыла инструкцию. Прочитала первую строчку: «Если устройство не работает, проверьте...» – дальше текст был на немецком. Конечно.

– *Проблемы?* – Селим встал за моей спиной, так близко, что у меня буквы поехали куда-то в сторону.

– *Тут инструкция наполовину на-немецком,* – объяснила я, четкой чувствуя жар от его тела и пыталась вспомнить не только английский, но и как меня, блин, зовут. – *В прошлый раз эту машину чинила Алиса.*

Он достал телефон, открыл что-то и направил на текст:

– *Есть специальное приложение, которое переводит на нужный язык, если навести на экран, давай я тебе поставлю?*

– Хочу... – голос осип. Все, товарищи, Аделина забыла зачем пришла. Тут даже кофе не поможет. Даже самая убойная доза.

– *Кажется, тут написано, что ошибка выдает...* – Селим открыл верхнюю крышку. Заглянул внутрь: – *Ну, да, так и есть! Тут что-то застряло.*

– *Что там могло застрять?*

– *Не знаю. Похоже на... мех?*

Мех?

Мы с Селимом переглянулись. Одновременно произнесли:

– *Барсик!*

Как будто услышав свою кличку, кот выскочил из-под стола. С разбегу запрыгнул на кофемашину. Лохматый Бариста, тоже мне!

– Нет! – заорала я. – Барсик, слезай!

Поздно. Кот наступил на кнопку включения. Кофемашина ожила, загудела, задрожала.

Селим попытался схватить Барсика:

– *Иди сюда, ты мелкий...*

Кот увернулся. Лапа зацепила рычаг подачи пара и все взорвалось. Струя кофе ударила в потолок, потом в стену,

потом развернулась и окатила меня с головы до ног.

Я завизжала. Горячо!

Вторая струя – с молочной пеной – попала в Селима, прямо в лицо.

Он зажмурился, выругался по-турецки. Даже язык знать не надо, чтобы понимать, что там красноречиво высказанная вся любовь природе.

Барсик метался по столу, лапы скользили, опрокидывая чашки. Кофемашина продолжала плевать кофе, как одержимая. Кто-нибудь, вызовите кофейного экзорциста!

Я бросилась к розетке, выдернула вилку.

Фух! Тишина.

Мы с Селимом стояли посреди кухни. Я – с головы до ног в кофе. Он – весь в молочной пене, которая стекала с волос на футболку.

Барсик сидел на полу. Чистый, довольный, и гордый собой.

Я посмотрела на Селима. Он посмотрел на меня. Пена капала с его носа. Я фыркнула. Он хмыкнул. И мы расхохотались.

– *Твой кот,* – выдохнул он сквозь смех, – *настоящий бандит.*

– *Я знаю!* – Я всхлипывала от смеха. – *Кажется, он нас ненавидит.*

– *Тебя невозможно ненавидеть.*

Я сделала вид, будто не заметила подката. Осмотрелась:

кофе на потолке, на стенах, на полу, на нас. Блин, опять убирать! Только недавно отмывала все от варенья.

— *Тут как будто произошло кофейное извержение*, — сказала я.

— *Похоже на то. Давай, я тебе помогу убрать.*

— *Что ты, не стоит. Ты — гость...*

— *Я хочу помочь.*

— *А я все еще должна тебе кофе.*

Мы улыбнулись друг другу, а потом принялись за уборку. После душа (жаль, что раздельного!) встретились на кухне и я сварила напиток в турке на огне.

Кофе закипел. Я разлила по чашкам, подала Селиму одну и села за стол. Он сел напротив.

Мы пили молча. Я чувствовала его взгляд, но не поднимала глаз.

— *Будешь делать мороженое сегодня?* — спросил он.

Я кивнула:

— *Хочу попробовать новый вкус: малина с базиликом.*

Он вскинул брови:

— *Могу я посмотреть?*

Смотреть, как я готовлю? Это странно. Но...

— Окей...

Я достала из морозилки малину, свежий базилик, включила блендер, измельчила ягоды, добавила сахар, сливки. Мелко порубила базилик, всыпала в смесь.

Селим подошел ближе и снова встал за моей спиной. Я

чуть блендер не выронила.

– *Пахнет хорошо*, – сказал он тихо.

Я обернулась. Он был совсем рядом. Смотрел на меня, не на мороженое.

– *Хочешь попробовать?* – мой голос прозвучал хрипло.

Он кивнул. Но смотрел не на мороженное, а на мои губы...

Я зачерпнула ложкой мороженое, протянула ему. Селим взял мою руку – не ложку, руку – направил в свой рот. Губы сомкнулись на ложке, язык скользнул по металлу.

Вот черт! Я забыла, как дышать.

Он медленно отпустил мою руку. Облизал губы:

– *Идеально...*

Я не знала, о мороженом он или...

– *Я...* – я отступила, – *я должна его заморозить.*

Разлила смесь по контейнеру, поставила в морозилку. Руки тряслись.

Селим молчал и все время смотрел.

Я обернулась, не зная чем заполнить эту тишину:

– *Ты... Работаешь по ночам? За компьютером.*

Он удивленно моргнул:

– *Откуда ты знаешь?*

– *Видела. Свет из-под двери.*

Он помолчал. Кивнул:

– *Да, работа такая.* – пауза. – *Ты тоже не спишь по ночам?*

– Иногда...

– Почему?

Я пожала плечами. Как объяснить, что ночью мысли не дают покоя? Что днем я занята отелем, кафе – а ночью остаюсь наедине с собой? И это страшно?

– Я слишком много думаю, – сказала я просто.

Селим кивнул. Будто понял.

– *Сегодня, если будешь плохо спать, – он показал наверх, в сторону, где его номер, – можешь прийти ко мне, я знаю, что может помочь уснуть крепко.*

Это что? Снова подкат? Да еще какой откровенный! Он же говорит о том, а чем я подумала? О, хоть бы!

Я должна отказаться.

– Окей, – сказала я.

Да, чтоб тебя, Аделина! Тебе кота-Амура мало? Так ты еще турецкого снотворного захотела?

8

Ночью я не могла усну

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.